

ПУТЬ РАДИ МЕЧТЫ

Тати Фольс

Путь ради мечты

<https://litres.ru/74569293>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ о девушки с мечтой о горах , всю свою жизнь она мечтала развиваться и почувствовать как природа влияет на человека , какого это находится в состоянии выживания где есть только ты и безвыходная ситуация. Она помня чему училась на тренировках смогла выжить в суровых условиях природы.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Тати Фольс

Путь ради мечты

Глава

Предисловие.

Мужчина всегда есть и будет иметь ассоциацию действия, это было есть и будет актуально на все времена. Каждая девочка с детства мечтает о принце на белом коне, создавая иллюзию того самого мужчины, которого она хочет видеть в мужья. На поиски уходят годы, и планка начинает падать, критерии одна за одной начинают пропадать. С каждым новым мужчиной ты думаешь, что он вот он тот самый, но опять не то. Реалии нашей жизни на столько стали жестоки что становится сложнее найти подходящего человека. Эта история об одной девушке, которая тоже хотела быть счастливой и любимой, но с каждым мужчиной планка падала. Все не то и не те.

Глава 1

Лея жила в небольшом городе на севере Ирландии, где численность людей была на столько мала, что каждый знал друг друга. И найти себе вторую половинку очень было сложно. С детства была сорванцом в юбке, мама всегда ей говорила и почему у меня не мальчик родился. Лея воспитыва-

лась не в полной семье, отец ушел, когда ей было 5 лет. Как потом сказала мама за мороженым в магазин. Так что матери пришлось заменить ей и отца тоже, дать ту любовь, которую ей не хватало. Но с годами приходилось много работать, чтоб содержать семью, и Лея воспитывалась сама по себе, прекрасно понимая, как маме сложно, везде успевать. Годы шли, она росла и места стало мало ей в этом городишке, захотелось чего-то большего, роста, перспектив, развития, и конечно найти того самого человека, свою вторую половинку. С этой целью планирует уехать покорять Европу, где больше перспектив. Но все что Лея умела это лазить по горам, а с возрастом это уже стало как увлечением, с длинными маршрутами и высокими горами со страховкой. Зная, что безопасность превыше всего, все же без травм не обходилось, и с каждым разом после реабилитации снова рвалась в горы. И вот ей стукнуло 23, совсем взрослая, но юная в душе девушка, решается обсудить с мамой поездку в Швейцарию, мечтой было увидеть Альпы и оставить свой след. За ужином предстоял не легкий разговор, ведь она знала, что мама будет категорически против.

-Мам, надо поговорить.

-Что-то случилось?

-Нет, но у меня есть один к тебе разговор, дело в том, что я хочу уехать. Из города, даже больше из страны.

-Это как понимать сейчас? Ради чего? Я категорически против и финансировать поездку не собираюсь.

-Мам я накопила денег, подрабатывая в кофейне, и разнося буклеты, на первое время мне хватит.

-Позволь и куда ж ты собралась?

-Планирую в Швейцарию, ты знаешь, как для меня важно мое увлечение, я хочу увидеть горы Альпы. Просто это давняя мечта.

-Ты представляешь где это находится? Ты просто издеваешься надо мной,просто сейчас Кондратий схватит, где мое успокоительное?

-Ма, я взрослая уже, хватит опекать меня. Я в состоянии позаботится о себе. Найду работу, жилье. Если даже что-то не получится я же всегда могувернуться домой. Обнимая маму Лея продолжает.

-Я ведь дальше нашего города никуда не ездила. А так хочется посмотреть мир своими глазами. Отпусти меня.

-Делай что хочешь, я своё мнение сказала, - разворачиваясь уходит. Расстроенная Лея пошла спать в свою комнату.

Распланировав поездку все до мелочей, подсчитав бюджет, остаётся лишь сказать маме о дне моей поездки, но после того ужина, она не проронила и слова. Все эти дни пока я собиралась, жили как соседи. Пересекаясь лишь изредка на кухне.

Я много думала правильно ли я поступаю, оставить маму тут одну, или оставить мечту без реализации. Но я так горела желанием. Я написала письмо маме, что вылетаю завтра утром, и как бы она на переживала я прошу лишь отпустить

меня. Оставив его на кухонном столе вечером, пошла спать. Всю ночь меня терзали мысли, одолевал страх чего-то нового, но решительности хватило, чтоб не отступить от задуманного. Не предавайте свои мечты, если хочется что-то сделать, берите и делайте, а реализовав одну мечту отправляйтесь за следующей. Лучший день сегодня, так как его не вернёшь, слова, сказанные тоже не вырвешь, он станет вчерашним днём, но у меня есть возможность прожить завтрашний день так как я хочу этого, просто не терять время).

Главное найти точку опоры. То, что подарит хорошее настроение, будет подбадривать и вдохновлять. Это может быть отрывок из книги, песня, которую пели пока варили кофе, мелочь, напоминающая о чём-то очень важном, слова, сказанные любимому утром... Всё, что угодно. Найдите этот крохотный момент и носите в себе как часть своего волшебного мира.

Стала задумываться о жизни на что я трачу ее? На сон, на работу которую большая часть не любит, но работает чтоб иметь доход, на общение с друзьями, а кто-то и на социальные сети чтоб убежать от проблем, спрятавшись за маской из-за собственной неуверенности. Жизнь так мимолётна, сегодня прошёл день, завтра месяц, послезавтра год...

Мы редко думает о том, что имеем, но всегда беспокоимся о том, чего у нас нет. Не знаю, что меня ждёт там куда я еду, но завтра — мой день, день старта в новую главу! Я еду покорять новый город, где ждут невероятные приключения,

яркие встречи и открытия.

Я, всё смогу, и я верю на 100 %. Пусть этот город влюбит в себя с первого взгляда!

Представь: завтра ты ступишь на улицы нового города, где каждый уголок будет ждать твоего взгляда, каждая улица — твоих шагов, каждое кафе — твоей улыбки. Это начало чего-то волшебного... не плохо я так себя настроила и с этим настроением засыпаю.

Утром сложив все по местам, главное не забыть документы, выхожу из комнаты, а за столом сидит мама.

-Тебя довести до аэропорта?

-Было бы не плохо, ты все еще дуешься на меня?

-Ты все уже решила сама, я и не заметила, как ты быстро повзрослела, но я не могу остановить тебя, тем более это так важно для тебя.

-Спасибо мамочка за понимание, обнимаю ее, а у самой слезы на глазах.

-Когда доберешься напиши мне, чтоб я не переживала.

-Конечно, конечно, я сразу же как приземлюсь сообщу.

-Ладно давай собирайся наверно уже опаздываешь, во сколько вылет?

-В 10 утра, я думала заказать такси, но от твоей помощи не откажусь.

Пакуя вещи в машину, мы едем в аэропорт.

-Мам, навигатор говорит, что доедем за 40 минут. Успеваем?

- Да, вполне. Рейс только через два часа, ещё и время на регистрацию останется.

- Отлично. Ты взяла паспорт и билеты?

- Конечно, всё в сумке.

- Хорошо.

- Смотри, какой красивый рассвет сегодня прямо над лесом.

- Да, потрясающе.

- Жаль, не получится сфотографировать на ходу.

Добравшись до регистрационного пункта, мама обняла меня и как всегда слова напутствия прозвучали: «Я понимаю, что бессмысленно отговаривать тебя, ты с детства все делала по-своему, учась самостоятельности, главное береги себя, и чаще звони, боже какая ты стала взрослая, а я и не заметила совсем».

Сев в самолет и смотря в окно иллюминатора, накрыл страх. А вдруг я не справлюсь, такую задачу поставила себе, поменять свою жизнь, стремясь за мечтой. Кто его знает может там ждёт меня что-то лучшее и большее. Сердце подсказывает я на правильном пути. Думаю, многие первооткрыватели боялись неизведанного, что там за горизонтом.

Какой сегодня красивый все-таки рассвет. Сегодня самый лучший день, потому что я начала с себя. Что ж, мы взлетаем...

Глава 2

Несколько часов полёта вымотали, тело все затекло в од-

ном положении. Стюардесса стоя в проходе провожала всех с самолета словами: «Добро пожаловать в Швейцарию».

Спускаясь по трапу, двигаюсь в потоке со всеми на автобус. Нас высадили в аэропорту, и тут меня накрыла паника, что делать дальше? Я в теории конечно знала, как это, но на практике это просто хаос. Столько народу все куда-то спешат, у меня голова кругом, воздух срочно нужен воздух. Я пулей вылетаю на улицу, нашла ближайшую лавочку, чтоб понять, что происходит, и я явно уже не дома. Так надо решить, что за чем, и действовать. С жильем первым делом это надо решить. Для начала отель может какой на улице точно не стоит оставаться в незнакомом городе. Но, а дальше я уже подумаю, как быть. Накопленных денег должно хватить на первое время. Не пропаду. Беру телефон и начинаю гуглить ближайшие отели.

О боже, ну и ценники тут. Как-то я не подготовилась совсем. Что ж надо определяться, а то уже вечереет. И очень кушать хочется уже. Блин мама, я же должна была позвонить ей, сказать, что приземлилась. Она там наверно места себе не находит.

В любом случае мне надо сегодня ночь где-то переночевать, а дальше видно будет. Выхожу на улицу, ловлю такси и еду в бронированный хостел.

В такси разговорились с водителем, он поинтересовался откуда я? И почему этот район отеля, так как район не благоприятный, я объяснила, что неместная. Он представился

мне.

- Роман.

- Лея, очень приятно.

- Все-таки я переживаю за вас, давайте оставлю вам свой номер, на всякий случай.

Добравшись до места, я вышла, поблагодарив Романа, и двинулась в хостел.

И в действительности район не очень мне почему не хотелось тут оставаться совсем. Сидев в холле, я мешкалась набрать ли Роману все-таки как-то не удобно. Но и оставаться тут не хотела. Пересилив сомнение, набираю номер.

-Роман, это Лея, ваш пассажир не давний вы мне номер дали свой, извините за столь поздний звонок, но вы были правы тут оставаться не безопасно.

Лея положила телефон на тумбочку и посмотрела на себя в зеркало над раковиной. Глаза были чуть расширенными, как у того самого котёнка из рекламы, которого все жалеют, а она терпеть не могла выглядеть жалкой. «Ну вот, — подумала она, — теперь он приедет, будет смотреть на меня с этой своей спокойной уверенностью, а я даже не знаю, что сказать, кроме спасибо и я тут совсем одна». Она машинально поправила прядь волос, потом резко опустила руку. Не надо сейчас пытаться выглядеть так, будто всё под контролем. Контроль как раз и рассыпался ещё на этапе «половина номеров занята». В комнате было тесно, но чисто: узкая кровать, тумбочка, на стене — выцветший постер с видом на

какой-то пляж. Лея села на край кровати, чувствуя, как усталость наконец-то пробивается сквозь адреналин. «Всего одна ночь, — напомнила она себе, — и завтра всё будет иначе. Или хотя бы будет план». Ровно через двадцать семь минут (она считала каждую) телефон тихо звякнул. «Я внизу. Выходи, тут есть одно место, где можно спокойно поговорить и перекусить. Не волнуйся, район тут нормальный». Лея замерла на секунду, потом быстро схватила куртку. Пальцы чуть дрожали, но это уже была не паника, а что-то вроде предвкушения — как перед первым днём в новой школе, когда ты не знаешь, кто тебя встретит, но очень надеешься, что будет хоть один нормальный человек. Когда она вышла, Роман стоял у машины, прислонившись к дверце. В руке — два бумажных стаканчика с кофе. — Держи, — протянул он один. — Без сахара, как-то интуитивно показалось, что ты любишь горький. — Спасибо, — Лея взяла стаканчик, и от этого простого жеста вдруг стало чуть легче дышать. — Ты не обязан был приезжать. — А я и не обязан, — спокойно ответил он, открывая перед ней пассажирскую дверь. — Просто подумал, что сидеть в хостеле и гуглить квартиры — это как пытаться собрать пазл в темноте. Лучше делать это при свете. Они зашли в небольшое кафе на углу — не модное, не туристическое, а такое, где все друг друга знают. Хозяин кивнул Роману, как старому знакомому, и тут же поставил на стол тарелку с горячими сэндвичами.

«— Это тебе», — сказал Роман, пододвигая тарелку. —

Ты же сказала, что не ела. — Ты всё запоминаешь, — тихо сказала Лея, чувствуя, как к горлу подступает что-то тёплое и колючее одновременно. — Спасибо. — Это не сложно, — пожал плечами он. — Слушай, насчёт квартиры... У моей сестры как раз сдаётся комната в центре. Она уезжает на стажировку на полгода, а квартира стоит пустая. Я могу позвонить, спросить. Лея замерла с сэндвичем в руке. — Правда? — голос прозвучал чуть громче, чем она хотела. — То есть, это не какой-то хостел, а нормальная квартира? — Нормальная, — улыбнулся он. — И район хороший. Но если тебе не хочется, я не настаиваю. Просто вариант. Она сделала глоток кофе, чувствуя, как тепло медленно разливается по груди. И вдруг поняла: впервые за весь этот сумасшедший день ей не нужно было ничего решать в одиночку. — Хочу, — сказала она, и в этом слове было столько облегчения, что оно прозвучало почти как смех. — Очень хочу. Роман достал телефон, набрал номер. Пока он говорил, Лея смотрела в окно, на огни города, которые уже не казались такими чужими. И думала о том, что иногда самое большое приключение — это просто позволить кому-то помочь тебе, когда ты совсем не знаешь, куда идти. Квартира оказалась на четвёртом этаже старого дома с высокими окнами. Роман открыл дверь своим ключом, поставил её чемодан в прихожей и отступил на шаг — как будто давая Лее возможность первой войти в это новое пространство и примерить его на себя.

«— Катя оставила всё как есть», — сказал он.

— Сказала: если человек нормальный, пусть живёт как дома.

Список всего нужного наклеила на холодильник. Она у меня перфекционистка, так что там даже расписание вывоза мусора. Лея прошла в комнату. Небольшая, но светлая: книжные полки, *plantas* на подоконнике, стопка журналов, кресло, из которого, судя по примятой подушке, Катька явно читала по ночам, хотя запрещала себе есть на диване. Всё это было пропитано чужой жизнью — и от этого почему-то не пугало, а успокаивало. Как будто здесь кто-то уже справился. Уже жил. Уже выживал в этом городе. — Слушай, — сказала она, не оборачиваясь.

— А ты уверен, что я справлюсь? В смысле — с её квартирой.

С этим городом. С чем угодно. Роман помолчал. Потом ответил не сразу, и она по тому, как он замешкался, поняла: он подбирает слова — не потому, что не знает, а потому, что не хочет лгать.

— Нет, не уверен, — честно сказал он.

— Но уверен в другом: тебе не обязательно справляться сегодня. Квартира оплачена до конца месяца, Катя звонит по вторникам, а я... я, как выяснилось сегодня, твой спасательный круг. Неплохой расклад, как по мне. Лея рассмеялась — впервые за день по-настоящему, до слёз. И только потом поняла, что плачет. Не от горя — от облегчения, которое слишком долго копилось и теперь выходило разом, без

разрешения.

— Извини, — пробормотала она, вытирая лицо рукавом.

— Это просто усталость. — Это просто ты два года носила в себе всё, — спокойно сказал Роман.

Он, кажется, даже не пытался это уточнить или спросить, откуда он знает. Просто сказал. — Держи. И протянул ей чашку — ту самую, простую, белую. На её дне лежал пакетик ромашкового чая.

— Как ты понял, что мне нужен именно чай? — удивилась она.

— Не понял, — признался он.

— Просто, когда человек весь день на нервах и не ел, ему нужно что-то тёплое и простое. Кофе — это для разговоров. А чай — для тишины. Тебе сейчас нужна тишина.

И он вышел из комнаты, оставив её одну — с чашкой, с видом на чужие окна, за которыми зажигались вечерние огни. И в этой тишине Лея вдруг подумала о том, что дом — это не обязательно место, где ты родилась. Иногда это чашка чая, которую принёс тебе почти незнакомый человек, потому что он понял то, что ты сама себе ещё не сказала. Она села в Катину кресло, обхватила ладонями тёплую керамику и позволила себе впервые за долгое время ничего не решать. Завтра будет завтра. Сегодня ей просто можно. Что я тут постаралась сделать — и что можешь взять в свою манеру: Квартира как зеркало состояния. Лея не описывает мебель — она читает чужую жизнь: примятая подушка Кати,

книжные полки. Это то самое психологическое наблюдение, которое показывает, как героиня смотрит на мир — с жадностью к чужому опыту, потому что свой пока не налажен. Роман не решает, а «не лжёт». Его фраза «нет, не уверен, но...» — это очень Carnegie: не утешительная ложь, а честность, которая парадоксальным образом успокаивает сильнее, чем заверения.

На экране высветилось: «Роман». Она нажала на приём — и услышала совершенно не тот голос, который ожидала.

— Привет. Это Катя. Романа я вырвала у вас на минутку, так что говорить буду я. Голос был быстрый, чёткий, с лёгкой ироничной ноткой — голос человека, который успевает в три раза больше, чем позволяет время. — Привет, — Лея инстинктивно выпрямилась, будто Катя могла видеть её по телефону.

— Мне Роман много о вас не рассказывал.

— Это Роман, — в голосе Кати мелькнула улыбка.

— Он вообще мало о ком рассказывает, просто делает. Так, слушай. Я звоню по двум поводам. Первый: как квартира? Правду говори, не для меня, для себя. Если там что-то скрипит, протекает или выглядит так, будто не выдержит следующей зимы, — мне нужно знать сейчас, а не когда я вернусь. — Квартира... — Лея огляделась. — Квартира замечательная. Кресло мягкое. Растения на подоконнике живые, я их поливаю. — Монстеру зовут Фёдор, — сухо поправила Катя. — Не спрашивай. Долгая история, Роман в дет-

стве не мог выговорить «монстера». Второй повод, — и тут её голос изменился, стал чуть медленнее, внимательнее. — Роман сказал, что ты приехала из Ирландии. Одна. С чемоданом. И что до этих жил в хостеле в районе, куда местные не суются. — Он подробно рассказывает, — Лея почувствовала, как что-то неприятно сжимается внутри. — Для человека, который «мало о ком рассказывает».

— Он рассказал мне факты, — спокойно ответила Катя.

— Без единой оценки. Это его способ заботиться: он даёт людям информацию и не решает за них. А теперь мой вопрос, и ты можешь на него не отвечать. Ты убегала от чего-то — или бежала к чему-то? Лея замолчала. За окном шумела машина — обычный городской звук, но в тишине, которая повисла в трубке, он прозвучал оглушительно.

— А это разные вещи? — спросила она наконец.

— Огромные, — сказала Катя.

— От чего-то убегают, оглядываясь назад. А к чему-то бегут, глядя вперёд. По тому, куда смотрит человек, обычно видно, чем всё закончится. Не отвечай. Просто подумаю об этом до следующего вторника.

И, Лея... спасибо, что позвонила Роману в тот вечер. Он не признается, но он уже неделю ходит довольный, как будто сдал сессию. Всё, пока. Фёдору — пятнадцать миллилитров, не больше, он склонен к отёкам, как и все живые существа с драматичным именем. И повесила трубку. Быстро, чётко, оставив после себя ровно столько мыслей, сколько человек

способен вынести за один звонок — и ни капель больше. Лея ещё долго сидела с телефоном в руке. «Ты убегала от чего-то — или бежала к чему-то?» Она смотрела на Фёдора, который невозмутимо зеленел на подоконнике, и впервые за два года ловила себя на честной мысли: она до сих пор не знала ответа. Что здесь работает и почему Катя получилась именно такой: Контраст с братом. Роман действует молча и тактично, Катя говорит много и сразу бьёт в самое точное место.

В следующий вторник она может наконец ответить Кате — или сознательно не взять трубку и впервые позволить себе не знать ответа. Что тебе ближе: копнуть тайну Кати, заглянуть в прошлое Романа, или показать, как Лея поживёт с этим вопросом неделю и что-то в ней сдвинется?

На крышке аккуратным Катиным почерком было выведено: «Не трогать. Если тронешь — я всё пойму». Лея замерла на секунду, потом усмехнулась: в этом была вся Катя — чёткие границы, никакого сюсюканья. Но вместо того чтобы закрыть и отойти, она вытащила коробку и села с ней прямо на пол. Внутри лежали не документы и не драгоценности, а странные, будто случайные вещи: билет на автобус из города в город, датированный ровно годом назад; маленькая потрёпанная записная книжка с вырванными страницами; фотография, где Катя стоит у моря, а лицо у неё такое, будто она только что плакала и тут же решила, что больше не будет; и конверт без адреса, запечатанный, но тонкий, как будто

внутри — один листок. Лея не стала открывать. Просто посидела, держа этот конверт в пальцах, и вдруг поняла: Катя не уехала на стажировку. Стажировка была удобной версией, которую она дала всем, чтобы никто не задавал вопросов. А на самом деле она уехала, чтобы перестать быть той, кем была до этого фото у моря. В тот же вечер позвонил Роман.

— Ну как там Фёдор? — спросил он буднично, будто проверял, не развалился ли мир.

— Жив, — сказала Лея.

— Полила ровно пятнадцать миллилитров. Он даже как будто стал зеленее.

— Катя бы гордилась, — хмыкнул Роман.

— Слушай, ты там... ничего не трогала на верхней полке, случайно?

Лея на секунду задержала дыхание.

— Трогала, — призналась она. — Но не читала.

Просто посмотрела. Роман помолчал. И в этой паузе было столько облегчения, что Лея поняла: он боялся, что она наткнётся на что-то и будет жалеть.

— Знаешь, — сказал он наконец,

— Катя всегда всё раскладывает по коробкам.

Не потому что хочет спрятать, а потому что так легче дышать. Она не любит, когда прошлое ходит по квартире и смотрит на неё

— А что там было? — тихо спросила Лея.

— Там была её старая жизнь, — просто ответил Роман.

— Та, от которой она устала. Она не убегала, чтобы спрятаться. Она бежала, чтобы успеть стать другой, пока не поздно. Это разные вещи. Ты ведь помнишь, что она тебе сказала? Лея вспомнила тот вопрос: «Ты убегала от чего-то — или бежала к чему-то?» И впервые подумала, что, возможно, у них с Катей одна и та же развилка, просто они стоят по разные стороны.

— Она тебе расскажет, когда будет готова, — добавил Роман.

— Катя не из тех, кто вываливает всё сразу. Но если однажды ты увидишь, как она достаёт эту коробку и начинает вынимать вещи — значит, она решила, что можно снова на это смотреть.

— А ты? — вдруг спросила Лея.

— Ты тоже всё раскладываешь по коробкам? Или у тебя нет прошлого, которое нужно прятать? Роман рассмеялся — коротко, без веселья.

— У меня есть, — признался он.

— Просто я храню его не в коробках. Я храню его в делах. Помог человеку — и как будто чуть-чуть выплатил долг перед тем, кто когда-то помог мне. Они ещё немного поговорили про обычные вещи: про то, что в квартире скрипит пол в коридоре, про то, что Фёдор, кажется, действительно любит свет у окна, про то, что Лея всё-таки нашла квартиру на долгий срок, но решила пока остаться здесь, потому что здесь уже есть свои маленькие правила и свои маленькие

люди. Когда разговор закончился, Лея вернулась к коробке. Подержала её в руках, потом аккуратно поставила обратно на полку. И на этот раз надпись: «Не трогать» прозвучала для неё не как запрет, а как забота: «Я не готова тебе это показать, но спасибо, что не полезла дальше». Она села в Катину кресло, посмотрела на Фёдора и подумала: иногда дом — это место, где тебе разрешают не знать чужих тайн, но всё равно относятся к тебе как к своей. Что тут работает с точки зрения твоего замысла: Тайна как процесс, а не как спойлер.

Катя возвращается раньше. Стажировка заканчивается, или она сама решает, что готова. И тогда Лея видит, как Катя достаёт ту самую коробку и начинает разбирать её при ней. Это будет сцена про доверие: не «я тебе всё расскажу», а «я при тебе смотрю на то, что раньше прятала». Лея пишет письмо Кате. Не отправляет, а просто формулирует: «Я нашла твою коробку. Я не читала. Но я поняла, что ты не обязана мне ничего объяснять». Это может стать для Леи способом самой разобраться, что она делает в этом городе. Фёдор как маленький символ. В какой-то момент Лея замечает, что Фёдор начал расти быстрее — как будто ему стало спокойнее. И понимает: когда в доме перестают прятаться друг от друга, даже растения это чувствуют. Что тебе ближе: чтобы Катя вернулась, и они с Леей наконец-то поговорили по-настоящему, чтобы Лея написала это письмо, или чтобы тайна ещё немного повисела в воздухе, а вместо этого мы показали, как Лея потихоньку делает эту квартиру своей — через

какие-то свои маленькие ритуалы и привычки?

Катя вернулась в пятницу. Не с чемоданами и фанфарами, а как будто просто решила, что сегодня — тот самый день, когда можно снова войти в свою квартиру и не чувствовать, что прошлое набросится на неё в прихожей. Лея как раз стояла у окна и пыталась придумать, как сказать маме, что всё хорошо, не вдаваясь в подробности про хостел и таксиста, который стал почти другом. Телефон в руке дрожал от привычной неловкости: «Мам, я в порядке» всегда звучало как «не спрашивай, мне тяжело объяснять». И тут дверь открылась. Не скрипнула, не застонала, а просто щёлкнула замком — и в квартиру ворвался запах дождя и чего-то ещё, очень Катиного: чуть терпкого, уверенного, будто она всегда знает, куда идёт.

— Привет, — сказала Катя, не глядя на Лею, а сразу проходя к Фёдору. Провела пальцами по листьям, будто проверяла пульс.

— Он жив. Ты его не залила?

— Пятнадцать миллилитров, — тихо ответила Лея, чувствуя, как напряжение, которое она носила в себе весь разговор с мамой, вдруг рассыпалось от этой будничной фразы.

— Ровно. Катя наконец подняла глаза. В них не было ни удивления, ни строгости — только лёгкая усталость и что-то вроде благодарности за то, что здесь всё осталось на своих местах.

«— Прости, что без предупреждения», — сказала она,

скидывая куртку. — Стажировка... ну, она закончилась раньше. Или я её закончила. Это одно и то же. Они стояли друг напротив друга, и Лея вдруг поняла, что сейчас самое правильное — не задавать вопросов. Не спрашивать, почему стажировка, почему раньше, почему та коробка на полке. Просто дать Кате войти в свой дом так, как ей нужно.

— Чай? — спросила Лея.

— Или кофе? Я уже научилась варить нормальный кофе. Почти как в Ирландии. Катя улыбнулась — не широко, а так, будто эта улыбка долго стояла в очереди, чтобы выйти наружу.

— Давай чай. С лимоном. И без разговоров про стажировку, ладно? Хотя бы первые десять минут. Они сели на кухне. Катя крутила в руках чашку, смотрела на окно, на Фёдора, на полку, где всё стояло ровно, как она оставила. И Лея поняла: для Кати дом — это не стены.

Дом — это когда кто-то полил Фёдора ровно на пятнадцать миллилитров и не тронул коробку на полке.

— Я видела коробку, — вдруг сказала Лея. И тут же испугалась, что испортила эти десять минут тишины.

— Но я не читала. Только посмотрела. И поставила обратно. Катя не вздрогнула. Не нахмурилась. Просто кивнула.

— Спасибо, — сказала она просто. — Знаешь, иногда самое трудное — это когда кто-то видит твою коробку и делает вид, что её нет. А ты знаешь, что он видит. И тогда приходится притворяться, что ты не прячешь ничего важного. А

когда кто-то честно говорит: «Я видел», — становится легче. Потому что можно не притворяться. Она помолчала, потом потянулась к полке и достала ту самую коробку. Положила её на стол между ними, как будто предлагала: «Хочешь — смотри. Не хочешь — мы будем пить чай».

«— Там не трагедия», — сказала Катя.

— Там просто год, когда я всё делала неправильно.

И думала, что правильно. И когда поняла, что нет — мне нужно было уехать, чтобы перестать делать эти ошибки каждый день. Я не убегала, чтобы спрятаться. Я убегала, чтобы перестать повторять одно и то же. Это разные вещи, да? Лея вспомнила свой чемодан, хостел, звонок Роману, Ирландию — и вдруг поняла, что у неё был свой вариант этого же пути.

— Да, — сказала она.

— Разные. — Хорошо, — снова кивнула Катя.

— Тогда давай договоримся: сегодня мы не будем доставать из коробки прошлое. Сегодня мы просто будем пить чай и смотреть, как Фёдор растёт. А если когда-нибудь захочешь узнать про билет или про фото — я расскажу. Или не расскажу. Тоже нормально. И они пили чай. И Фёдор зеленел на подоконнике. И город за окном шумел, как всегда, но теперь этот шум не казался враждебным. Он был просто фоном для двух женщин, которые поняли друг друга без лишних слов. А вечером, когда Катя ушла разбирать вещи, Лея написала маме короткое сообщение: «Всё хорошо. У меня тут появились люди, с которыми можно просто пить чай и не объяс-

нять всё сразу». И впервые за долгое время это было правдой. Что тут работает для твоего стиля и твоей задумки.

Первые дни после возвращения Кати шли не по плану, а по каким-то своим, почти беззвучным правилам. Лея быстро поняла: чтобы с Катей всё шло гладко, нужно не стараться быть «удобной», а просто не мешать её ритму. А ритм у Кати был такой: она вставала в шесть, пила стакан воды, потом ровно семь минут смотрела в окно, будто проверяла, тот ли это город, и только после этого начинала день. Лея в эти семь минут старалась даже не шуршать. Она сидела на кухне с чашкой остывшего чая и наблюдала, как Катя стоит у окна — прямая, собранная, будто готовится к прыжку, которого никто не видит. И только когда Катя наконец поворачивалась и говорила: «Так, Фёдор сегодня выглядит бодро. Значит, можно жить», — Лея позволяла себе выдохнуть. Однажды утром она не выдержала:

— Ты каждый день так стоишь? — спросила она, стараясь, чтобы это звучало не как упрёк, а как любопытство.

— Как будто ждёшь какого-то знака. Катя чуть приподняла бровь — у неё это означало: «Ты заметила. Молодец».

«— Я не жду знака», — сказала она, наливая воду в чайник.

— Я даю себе минуту, чтобы отделить «вчера» от «сегодня». Вчера было про ошибки, про то, что я всё делала не так. А сегодня — про то, что я могу сделать хоть что-то правильно. Например, полить Фёдора. Или сварить нормальный

кофе. Или просто постоять и не паниковать. Лея посмотрела на свои руки — они вдруг показались ей слишком суетливыми, слишком готовыми к тому, чтобы всё исправить, всё сгладить.

— А если не получается отделить? — тихо спросила она.

— Если вчера всё ещё тащится за тобой, как чемодан на сломанном колесе? Катя помолчала. Потом достала из шкафа вторую чашку — ту самую, с крошечным сколом на ручке, которую она всегда оставляла для себя.

«— Тогда ты делаешь самое простое», — сказала она.

— Поливаешь Фёдора. Варишь кофе. Стоишь у окна. И повторяешь это снова и снова, пока чемодан не станет легче. Не потому что проблема исчезла, а потому что ты перестала тащить её на вытянутых руках. Ты её просто катишь. С этого дня у них появился неписанный ритуал. По утрам они стояли у окна — Катя свои семь минут, Лея сколько могла.

Иногда Лея вообще не выдерживала и сбегала в ванную, чтобы не стоять в этой тишине, где всё слишком ясно. А иногда оставалась. И в эти редкие утра, когда они обе смотрели на город, который ещё не проснулся, Лея чувствовала, как её собственный чемодан действительно становится чуть легче. Быт у них складывался не из больших жестов, а из мелких договорённостей. Катя не любила, когда в раковине оставляли мокрые ложки — говорила, что они «заражают» всё остальное. Лея не терпела, когда кто-то трогал её блокнот, где она записывала обрывки фраз, которые приходили

в голову посреди ночи. Поэтому на кухне появилась полка «только для Катиных ложек», а на столе — маленький картонный уголок с надписью: «Не трогать. Это Лея думает». Однажды вечером, когда город уже накрыла мягкая темнота, Катя вдруг остановилась посреди коридора, посмотрела на этот уголок и рассмеялась — впервые по-настоящему, без сдержанности.

— Знаешь, — сказала она, — это гениально. Ты не прячешь свои мысли, ты просто ставишь им забор. И это нормально. У меня в голове тоже есть такие заборы. Просто они невидимые. Лея улыбнулась, чувствуя, как внутри что-то щёлкает на место.

«— Значит, мы обе строим заборы», — сказала она.

— Просто у тебя они из тишины и семи минут у окна, а у меня — из картонного уголка и блокнота.

— И из Фёдора, — добавила Катя, поправляя листья.

— Не забывай про Фёдора. Он — наш главный стабилизатор. Они стали ужинать вместе. Не каждый день, но по средам — обязательно.

Среда была их «днём без спешки». Катя готовила что-то простое: пасту с лимоном, запечённый картофель, омлет с зеленью. Лея накрывала на стол и рассказывала что-нибудь из Ирландии — не про дождь и пабы, а про мелочи: как в её районе все знали друг друга по именам, как по воскресеньям старушки сидели на скамейках и следили, чтобы никто не мусорил, как в маленьком книжном магазине хозяин всегда

ставил на прилавок одну книгу «для тебя», даже если ты ничего не просил. Катя слушала, не перебивая, и в эти моменты Лея впервые чувствовала, что её прошлое не выглядит как оправдание. Оно просто было — как полка, как уголок, как Фёдор на подоконнике. А потом случилась одна среда, когда Катя поставила на стол тарелку, села напротив и вдруг сказала:— Знаешь, я хотела бы поехать туда. В твой район, где все друг друга знают. Где есть книжный, который выбирает для тебя книгу. Я бы хотела хоть на день оказаться там, где никто не ждёт от тебя, что ты всё исправишь. Лея замерла с вилкой в руке. Она не знала, что ответить. И ответила самым простым:

— Тогда я расскажу тебе ещё. Про тот день, когда хозяйка пекарни принесла мне пирог просто потому, что у меня был плохой день. И про то, как я тогда подумала: «Вот он, дом». А теперь понимаю: дом — это не место. Это когда кто-то приносит тебе пирог. Или оставляет тебе чашку со сколом. Или говорит: «Я постою с тобой у окна семь минут». Катя кивнула, будто услышала именно то, что ей нужно было услышать.

«— Тогда давай сделаем нашу среду ещё чуть больше похожей на дом», — сказала она.

— Без планов. Без «надо». Просто еда, Фёдор и твои истории. И если однажды ты захочешь рассказать про Ирландию не как про прошлое, а как про то, куда ты хочешь вернуться — я посижу и послушаю. Или не расскажу ничего.

Тоже нормально. И они ели, и Фёдор зеленел, и город шумел за окном, но теперь этот шум был не врагом, а фоном — таким же привычным, как запах лимонной пасты и тихий голос Леи, рассказывающей про пирог, который кто-то принёс ей просто так.

В один из таких спокойных вечеров Катя может достать тот самый конверт и сказать: «Сегодня я хочу прочитывать это вслух. Если ты посидишь со мной — будет легче

Роман пришёл в среду. Не по приглашению, а как это у него бывало — без лишних слов, просто позвонил в дверь, когда на улице уже темнело, а в квартире как раз пахло запечённым картофелем и лимоном. Лея открыла, и на секунду ей показалось, что она должна всё объяснить: почему на столе две тарелки, почему на подоконнике Фёдор, почему в воздухе висит эта спокойная, почти домашняя тишина. Но Роман только улыбнулся, протянул пакет с хлебом из пекарни напротив и сказал:— Я не вовремя?

— Ты вовремя, — ответила Катя из кухни, не оборачиваясь.— Только сними ботинки. У нас тут свои правила. Он послушно разулся, поставил ботинки ровно, как будто знал, что у Кати порядок — это тоже способ дышать. И Лея вдруг заметила, как по-разному он вписывается в пространство рядом с каждой из них. С ней он был тем самым таксистом, который спасает в темноте: спокойный, надёжный, будто держит невидимую руку, чтобы ты не оступилась. А с Катей он становился просто младшим братом, который всё ещё хочет,

чтобы его немного пожарили.

— Опять опаздываешь, — буркнула Катя, выкладывая картофель на третью тарелку.

— И хлеб чёрствый.

— Он тёплый, — возразил Роман.

— Просто пекарь сегодня был в плохом настроении.

— Значит, и хлеб в плохом настроении, — отрезала Катя, но в её голосе не было злости. Это был их привычный ритм: она ворчит, он не спорит всерьёз, и от этого всем становится спокойнее. Они сели за стол. Лея смотрела, как Роман берёт вилку, как чуть наклоняет голову, слушая её рассказ про старушек на скамейке, и вдруг поняла: он не просто слушает, он собирает эти истории, будто складывает их в карман, чтобы потом, если ей станет страшно, сказать: «Помнишь, там, где все друг друга знают, никто не остаётся один». — А у вас тут всё по расписанию, — заметил Роман, кивнув на картонный уголок с надписью: «Не трогать».

Это Лея думает».

«— Это не расписание», — сказала Лея.

— Это границы. Чтобы можно было думать, не оглядываясь.

Роман кивнул, будто услышал что-то очень важное.

— У меня тоже такие есть, — признался он.

— Только они не на столе. Они в голове. Например: «Не решай за других. Не обещай больше, чем можешь». Катя хмыкнула, но не едко, а с лёгкой гордостью, как будто эти

правила были и её заслугой тоже.

— Ну вот, — сказала она, — значит, мы все тут строим заборы. Кто-то из картона, кто-то из правил.

Главное, чтобы они защищали, а не запирали. После ужина они сидели на кухне, пили чай, и Фёдор на подоконнике казался почти участником разговора — как тот самый молчаливый свидетель, который всё помнит. Роман рассказывал, как сегодня один пассажир всю дорогу молчал, а потом на прощание сказал: «Спасибо, что не спрашивали». И Лея вдруг поняла, что именно это он и делал для неё в тот вечер: не задавал лишних вопросов, просто был рядом, пока она не была готова говорить.

— Знаешь, — тихо сказала Лея, глядя на Романа, — ты тогда, в такси, не должен был меня провожать. И номер давать. И приезжать потом.

— Должен, — спокойно ответил он.

— Не потому что ты слабая. А потому что иногда человеку нужно, чтобы кто-то просто сказал: «Я тут. Если что — звони».

Это не про спасение. Это про то, что ты не одна. Катя молча встала, собрала чашки, поставила их ровно, одну к другой. И в этом её движении было столько благодарности, что слова не понадобились. Она не обнимала брата, не говорила «ты у меня хороший». Она просто сделала так, чтобы ему было хорошо здесь — как делала всегда. Когда Роман ушёл, Лея и Катя ещё долго сидели на кухне. Город за окном шумел, как

обычно, но теперь этот шум не казался враждебным. Он был просто фоном для того, как Катя тихо сказала:

— Знаешь, он ведь не только тебе помогает. Он и себе помогает. Когда спасает кого-то, ему кажется, что он платит долг. За то, что когда-то спасли его. Лея кивнула. Ей не нужно было знать, кто и когда спас Романа. Ей было достаточно знать, что он умеет быть рядом так, чтобы это не давило.

— Спасибо, — вдруг сказала она Кате.

— За то, что ты его не прогоняешь. За то, что у тебя тут есть место и для него, и для меня. Катя пожала плечами, но в её глазах мелькнуло что-то тёплое.

«— Это и есть дом», — сказала она.

— Место, где хватает места для всех твоих заборов. Даже если они из картона.

В следующую среду Роман пришёл не с хлебом, а с двумя стаканчиками кофе — и с таким видом, будто сам не знал, зачем он это делает: то ли чтобы заполнить неловкую паузу, то ли чтобы наконец-то сказать то, что давно крутилось на языке.

— Я тут подумал, — начал он, ставя стаканчики на стол, — вы тут у себя всё по полочкам разложили, а я всё хожу и делаю вид, что у меня тоже всё под контролем.

А на самом деле... иногда я просто повторяю то, чему меня когда-то научили. Катя молча подвинула ему тарелку с остатками лимонной пасты, как делала всегда, когда понимала: сейчас не нужны расспросы, нужно просто дать место.

— Расскажи, — тихо сказала Лея, не настаивая, а просто предлагая: «если хочешь — здесь безопасно». Роман кивнул. Будто именно этого разрешения ему и не хватало.

— Это было лет десять назад, — начал он.

— Мне тогда было двадцать с небольшим, и я думал, что если буду всё решать за всех, то мир станет чуть менее страшным. Мама болела, Катя училась, денег почти не было, а я был уверен, что должен быть тем, кто «держит всё». И в какой-то момент я просто перестал спать. Перестал есть. Просто садился в машину и ехал, потому что, пока ты за рулём, можно не думать о том, сколько всего ты не можешь исправить. Он помолчал, будто возвращаясь в тот город, в ту ночь, когда всё казалось безвыходным.

— Однажды я остановился у обочины, потому что понял: дальше ехать нельзя. Руки тряслись, в голове — сплошной шум. И тут ко мне постучали в окно. Я думал — полиция, эвакуатор, ещё какая-то беда. А это был обычный мужик в жилете, из дорожной службы. Он просто протянул мне стакан воды и сказал: «Вылезай. Посиди пять минут. Ты не обязан всё решать прямо сейчас». И я вылез. И посидел. И впервые за месяцы просто дышал. Лея вспомнила тот вечер, когда она позвонила ему из хостела, дрожащим голосом, и он приехал, не задавая лишних вопросов. Теперь она поняла: он знал, каково это — стоять на краю и думать, что ты один должен всё удержать.

— Он не стал меня спасать, — продолжал Роман.

— Не стал читать нотаций, не стал звонить кому-то. Просто дал стакан воды и пять минут тишины. И этого хватило, чтобы я снова смог думать. С тех пор я и стараюсь делать так же: не спасать, а давать эти пять минут. Чашку чая. Стакан воды. Место, где можно просто выдохнуть. Катя вдруг улыбнулась — не широко, а так, как улыбаются, когда видят кого-то настоящего, без брони. «— А я думала, ты такой спокойный от природы», — сказала она.

— А оказывается, ты просто научился у хорошего человека.

— У очень хорошего, — кивнул Роман.

— Я даже имени его не знаю. Но каждый раз, когда кому-то даю эти пять минут, мне кажется, что я немного возвращаю ему долг. Они посидели в тишине — той самой, которая теперь не пугала, а собирала. Фёдор шелестел листьями, будто тоже слушал. Город шумел за окном, но здесь, в этой кухне, шум становился фоном, а не врагом. Потом Катя встала, взяла пустую чашку и сказала буднично, но с особой интонацией, в которой пряталось всё:— Значит, мы тут все друг другу эти пять минут и даём. Ты — нам. Мы — тебе. Даже если ты делаешь вид, что тебе не надо. Роман улыбнулся — впервые за вечер по-настоящему, без напряжения.

— Ладно, — сказал он.

— Тогда я возьму ещё кусочек этой твоей пасты. И эти пять минут посижу с вами. И они ели, и пили, и смотрели, как за окном зажигаются огни, и каждый из них понимал:

дом — это не только про стены и про Фёдора. Дом — это когда ты можешь сказать: «Мне было тяжело» — и тебя не станут торопить с ответом. Когда тебе просто протянут стакан воды и скажут: «Посиди пять минут. Ты не обязан всё решать прямо сейчас».

Среда в тот раз получилась какая-то неправильная с самого начала. Фёдор будто обиделся на что-то и опустил листья, Катя ворчала, что лимон в магазине был «не того оттенка», а Лея всё никак не могла поймать тот самый спокойный ритм, который обычно приходил к ним в этот день. И когда в дверь позвонили, она почему-то подумала: «Ну вот, сейчас ещё и Роман принесёт с собой обычный свой порядок, и от этого станет только заметнее, как у нас тут всё рассыпается». Но Роман не принёс ни хлеба, ни кофе. Он просто стоял на пороге, держа руки в карманах, и выглядел так, будто эти карманы — единственное, что его сейчас держит.

— Можно я просто посижу? — сказал он, не глядя на них, а куда-то чуть мимо.

— Сегодня... сегодня мне тяжело. Не про кого-то, не про пассажира, не про город. Просто мне. Можно? Катя замерла с половником в руке. Лея почувствовала, как внутри всё сжалось — не от страха, а от внезапного понимания: вот оно. Тот самый момент, когда человек, который всегда был опорой, вдруг признаётся, что ему тоже нужна опора. И это не слабость. Это самое настоящее доверие.

— Можно, — сказала Катя, и голос у неё прозвучал

непривычно мягко, без привычной иронии.

— Только ботинки сними. И не стой в дверях, будто ждёшь разрешения войти в собственный дом. Роман кивнул, медленно разулся, поставил ботинки не идеально ровно, а чуть криво — и эта маленькая небрежность сказала Лее больше любых слов: сегодня он не мог держать свою обычную безупречность. Они сели за стол. Катя молча поставила перед ним тарелку — не с пастой, а с чем-то совсем простым: куском хлеба, сыром, долькой яблока. Никакой церемонии. Никакой «сейчас мы тебя спасём». Просто: «вот еда, если сможешь». Лея не стала спрашивать «что случилось». Вместо этого она достала свой картонный уголок, вытащила оттуда маленький клочок бумаги, где были записаны какие-то случайные фразы, и протянула Роману: — Тут у меня какие-то обрывки. Если хочешь, можешь просто посмотреть и сказать: «это ерунда». Или не смотреть. Или можешь сам написать что-нибудь. Или вообще ничего. Но если тебе хочется, чтобы тут было хоть что-то, кроме тишины — вот. Роман взял клочок, повертел в пальцах, потом положил рядом с тарелкой и тихо сказал: — Спасибо.

Но сегодня мне не хочется ни писать, ни разбирать чужие фразы. Сегодня мне хочется, чтобы кто-то просто сидел рядом и делал обычные вещи. И Катя, будто только этого и ждала, спокойно сказала: — Тогда давай я расскажу, как этот лимон меня обманул. Я думала, он сочный, а он кислый, как моя жизнь в прошлом году. И я стояла там, у прилавка, и

думала: «Ну вот, даже лимон против меня». Это не трагедия, но это было обидно. И если ты хочешь просто послушать про лимон — я расскажу. А если не хочешь — я тоже могу просто молчать. Роман наконец поднял глаза. В них было столько усталости и одновременно такого облегчения, что Лея поняла: он ждал именно этого — чтобы ему разрешили быть не «тем, кто помогает», а просто человеком, которому сегодня тяжело.

«— Расскажи про лимон», — сказал он.

— Пожалуйста.

И Катя рассказала. Про прилавок, про продавца, который смотрел на неё так, будто знал, что у неё плохой день, про то, как она потом всё-таки купила этот лимон и выжала его в чай, и он оказался не таким уж и плохим — просто другим. А Лея в это время тихо полила Фёдора — ровно пятнадцать миллилитров, капля в каплю, как будто этот маленький ритуал был её способом сказать: «Я здесь. И я делаю то, что умею». Когда Катя закончила, Роман чуть наклонил голову, будто примеряя на себя эту историю, и сказал: — Знаешь, иногда самое правильное — это когда кто-то рассказывает тебе про плохой лимон. Потому что это значит: мир не рухнул. Просто лимон кислый. И с этим можно жить. Потом он посмотрел на них обеих — на Катю, которая теперь не ворчала, а просто сидела рядом, и на Лею, которая держала в руках пустой стаканчик из-под чая, — и тихо добавил: — Я никогда раньше не просил просто посидеть. Всегда думал, что

если я скажу «мне тяжело», то сразу должен буду всё объяснить: почему, из-за чего, что я собираюсь делать. А тут... тут можно просто посидеть.

— Можно, — снова сказала Катя, и на этот раз в её голосе не было ни строгости, ни иронии — только спокойная уверенность.

— Мы не будем тебя чинить. Мы просто будем тут.

— И будем поливать Фёдора, — добавила Лея, улыбаясь чуть дрожащей улыбкой.

— Потому что пока мы поливаем Фёдора, значит, день ещё идёт. И он не такой уж плохой. Они посидели ещё немного. Потом Роман съел кусочек хлеба, потом ещё один. И Лея заметила, как его плечи чуть опустились — не от усталости, а от того, что напряжение наконец-то начало уходить.

Перед уходом он остановился в дверях, посмотрел на картонный уголок, на Фёдора, на их лица — и сказал: — Спасибо, что не стали меня спасать. Спасибо, что просто посидели. Я... я теперь знаю, что сюда можно приходить, когда тяжело. Катя хмыкнула, но в этом звуке не было ничего резкого: — Конечно, можно. Только в следующий раз хотя бы кофе принеси. Даже если тебе тяжело — мы не обязаны пить только чай. Он улыбнулся — впервые за вечер по-настоящему, и эта улыбка была как свет в конце длинного коридора.

— Принесу, — пообещал он.

— И, может, ещё что-нибудь про лимоны расскажу. У меня тоже есть пара историй. Когда дверь за ним закрылась,

Лея и Катя ещё долго сидели на кухне. За окном город шумел, как всегда, но теперь этот шум был не врагом, а просто фоном для того, как Катя тихо сказала: — Знаешь, раньше я думала, что сила — это когда ты всё держишь и никому не показываешь, что тебе тяжело. А теперь понимаю: сила — это когда ты можешь сказать «мне тяжело» и знать, что тебя не станут за это судить. Лея кивнула. Она вспомнила тот вечер в хостеле, когда ей казалось, что весь мир против неё, и как Роман просто дал ей свой номер: «Если что — звони».

Теперь она поняла: он тогда не просто помогал ей. Он показывал ей, как можно быть рядом — не спасая, а оставаясь. И теперь она могла быть рядом так же.

«— Завтра я позвоню ему», — сказала Лея.

— Не потому что ему снова будет тяжело. А просто чтобы сказать: «Как лимон? Всё ещё кислый?»

Катя рассмеялась — тепло, по-домашнему.

«— Вот и правильно», — сказала она.

— Пусть знает, что он не один. Даже когда ему не нужно, чтобы его спасали. Лея проснулась раньше обычного — не от будильника, а от того самого ощущения, когда сон ещё держится на ресницах, а реальность уже настойчиво стучит где-то внутри. Катя тихо стояла у окна, отсчитывала свои семь минут, Фёдор тянулся к свету, будто хотел доказать, что он всё ещё здесь, всё ещё жив, всё ещё стоит того, чтобы его поливали ровно на пятнадцать миллилитров. Лея села на краю кровати, подтянула колени к груди и вдруг поймала себя на

мысли: она больше не боится этих утренних минут тишины. Раньше они казались ей обвинением: «Ты опять ничего не решила. Опять просто сидишь».

А теперь — нет. Теперь тишина была не врагом, а союзником. И эта перемена пришла не сама по себе. Она пришла из одного вечера. Тот вечер в хостеле стоял перед глазами так ясно, будто она могла протянуть руку и коснуться шершавой стены, почувствовать запах сырого белья и дешёвого освежителя, услышать, как дрожит её собственный голос, когда она набирала номер Романа. Она помнила, как пальцы скользили по экрану, как внутри всё сжималось от стыда: «Я не должна этого делать. Я слишком взрослая, чтобы звонить кому-то посреди ночи и шептать: Мне страшно». Но страх был сильнее стыда. И когда Роман ответил — не сонным, не раздражённым, а ровно таким, каким он всегда был: спокойным, будто знал, что этот звонок должен случиться, — Лея впервые за долгое время выдохнула.

«— Я сейчас приеду», — сказал он тогда.

— Не делай ничего. Просто посиди. Если хочешь — посмотри в окно. Если не хочешь — закрой глаза. Я приеду. И она смотрела в окно. На тусклый фонарь, на мокрый асфальт, на одинокого кота, который шёл по карнизу так, будто у него был очень важный план. И ждала. И это ожидание вдруг перестало быть пыткой. Потому что в нём появилась цель: дожидаться. Просто дожидаться, пока приедет кто-то, кто не будет спрашивать: «Ну что ты опять?» Когда Роман во-

шёл в комнату, он не стал говорить громких слов. Не стал обнимать её так, будто она вот-вот рассыплется. Он просто сел на край кровати, поставил рядом бутылку воды, которую зачем-то купил по дороге, и сказал: — Хочешь, я расскажу тебе про какой-нибудь обычный день? Про то, как я перепутал адреса и вместо «ул. Лесная, 12» приехал на «ул. Луговая, 12». И там меня встретила бабушка с пирожком и сказала: «Ты, сынок, не переживай. У всех бывает». И Лея тогда улыбнулась. Впервые за вечер. Не потому что история была смешной, а потому что в ней было главное: «С тобой всё нормально. Ты просто устала». Сейчас, глядя на Катю у окна, Лея вдруг поняла: тот вечер был не про спасение. Он был про разрешение быть слабой. Про то, что можно сказать: «Мне тяжело», и не получить в ответ список дел, которые нужно срочно сделать, чтобы стало легче. Можно просто получить бутылку воды и историю про пирожок. Катя обернулась, заметила, что Лея уже не спит, и чуть приподняла бровь — тот самый молчаливый вопрос: «Всё в порядке?» — Да, — тихо сказала Лея, и это «да» прозвучало не как отговорка, а как правда. — Просто вспомнила тот вечер. Когда я позвонила Роману из хостела. Катя ничего не сказала про «зачем, ты так переживала» или «всё уже прошло». Она просто кивнула, будто знала: иногда воспоминания нужно просто выпустить в комнату, чтобы они перестали давить изнутри.

«— Он тогда не стал тебя чинить», — сказала Катя.

— Он просто приехал.

— И я тогда не знала, что это самое важное, — призналась Лея.

— Думала, что мне нужны советы, план, какая-то инструкция, как перестать быть такой... потерянной. А оказалось, мне нужно было просто, чтобы кто-то сказал: «Я тут. Посидим». Катя подошла, села рядом на кровать — не как старшая, не как наставница, а просто как человек, который знает: сейчас не нужны слова длиной в абзац.

— Знаешь, — сказала она, — иногда самое сложное — это не пережить тяжёлый вечер. Самое сложное — потом поверить, что ты его пережила. Что ты не осталась там, в том хостеле, в той темноте. Что ты смогла выйти оттуда и дойти досюда. Лея посмотрела на Фёдора, на картонный уголок на столе, на чашку со сколом, которую Катя всегда оставляла для себя, и вдруг почувствовала, как внутри что-то встаёт на место.

— Я смогла, — прошептала она, пробуя эти слова на вкус, будто проверяя, правда ли они ей принадлежат.

— Я не просто пережила тот вечер. Я из него что-то взяла. Например, то, что иногда достаточно просто посидеть рядом. Катя улыбнулась — чуть, едва заметно, но в этой улыбке было столько тепла, что Лее захотелось запомнить её навсегда.

— Тогда давай сегодня сделаем так, — предложила Катя.

— Если Роману снова будет тяжело, мы не будем ему ничего советовать. Мы просто посидим. И, может быть, расскажем ему про какой-нибудь плохой лимон. Или про пирожок

от бабушки. Или вообще ничего. Просто будем рядом.

— И польём Фёдора, — добавила Лея, улыбаясь в ответ.

— Ровно на пятнадцать миллилитров. Как будто это наш маленький способ сказать: «День идёт. И мы в нём справляемся». Они вышли на кухню, и город за окном уже не казался враждебным. Он шумел, гудел, спешил куда-то — но здесь, в этой квартире, было своё течение времени. Медленное, бережное, такое, где хватало места и для усталости, и для тишины, и для чашки чая, и для воспоминаний, которые больше не ранили, а просто напоминали: ты не одна.

Среда в тот день выдалась серой. Не той серой, что бывает перед снегом, а будничной, будто город надел самое скучное пальто и пошёл по своим делам. Лея стояла у окна, крутила в пальцах телефон и думала: «А вдруг он сейчас везёт кого-то, и ему нельзя отвечать? А вдруг он как раз из тех, кому легче делать вид, что всё в порядке, чем признаваться, что тяжело?» Но она вспомнила его голос в тот вечер: «Можно я просто посижу?» — и поняла: он уже однажды разрешил себе быть неидеальным. Значит, и ей можно не подбирать идеальные слова.

Она набрала сообщение — коротко, без драмы, так, как они теперь умели: «Сегодня среда. Фёдор выглядит бодрым. Лимон в холодильнике всё ещё подозрительно кислый. Если тебе сегодня тяжело — я тут. Можем про лимоны. Можем вообще ни про что. А можем просто, что ты едешь, и я знаю, что ты не один». Отправила. И тут же захотелось спрятать

телефон в ящик, чтобы не видеть, прочитано ли, ответит ли, или там сейчас вообще не до сообщений. Через двадцать три минуты телефон тихо звякнул. «Еду по Кольцевой. Дождь стучит по крыше, и это странно успокаивает. Спасибо, что написала. Сегодня как раз тот день, когда ни про что — самое нужное». Лея улыбнулась. Не широко, не на весь рот, а так, как улыбаются, когда внутри что-то щёлкает на место. Она не стала писать «расскажи», не стала спрашивать «что случилось». Вместо этого она ответила так же просто: «Тогда просто расскажи про дорогу. Какой там свет фонарей? Они жёлтые или холодные? И сколько минут до следующего поворота?» И Роман стал рассказывать. Про то, как фонари в этом районе всегда кажутся чуть тусклее, будто город экономит электричество именно здесь. Про то, что на повороте у старой аптеки вечно стоит один и тот же фургон, будто он тоже никуда не спешит. Про то, как дождь постепенно меняет ритм: сначала барабанит, потом шепчет, потом вообще делает вид, что его тут нет. Лея села в Катино кресло, подтянула плед, слушала эти слова через экран и чувствовала: она не спасает. Она просто держит линию связи. Как тот мужчина в жилете когда-то дал Роману стакан воды, а Катя теперь ставит тарелку, Лея сейчас давала ему эти минуты, когда не нужно быть сильным. Когда он закончил, она написала: «Спасибо, что рассказал про фургон и фонари. Теперь я тоже их вижу. И если хочешь, я могу ещё немного просто тут посидеть. Или можем про лимоны. Или ты можешь во-

обще ничего не писать — я всё равно тут». Он ответил почти сразу: «Я тут. И знаешь... мне уже не так тяжело. Просто от того, что кто-то спрашивает про фонари. Как будто их стало больше, и они светят чуть ярче». Катя вошла на кухню, увидела Лею с телефоном, с этим особенным выражением лица — не напряжённым, а собранным по-новому, — и не стала спрашивать: «Кто там?».

Она просто достала две чашки, налила чай, одну поставила перед Леей, вторую — рядом, будто для невидимого гостя. — Он сейчас в дороге, — тихо сказала Лея.

— Ему просто нужно было, чтобы кто-то спросил про фонари. Катя кивнула. Без удивления, без лишних слов. Просто села напротив, обхватила чашку ладонями и сказала: — Знаешь, это самое взрослое, что можно сделать. Не пытаться починить мир. А просто сказать: «Я вижу твои фонари. Они светят». Лея посмотрела на экран, где висело это тихое «Я тут», и вдруг поняла, что в её жизни впервые появился момент, когда она не ждала, что её спасут, — она сама стала тем человеком, который может стоять рядом со светом. Она напечатала последнее на сегодня: «Доезжай спокойно. А если потом захочешь просто сказать день был длинный — я отвечу: Да, длинный. Но он уже почти закончился. Хорошей дороги». И отложила телефон. Не потому что боялась ответа, а потому что знала: он придёт, когда будет нужно. А пока достаточно того, что линия держится.

Они пили чай. Фёдор шелестел листьями, будто одобрял

этот вечер. Город шумел за окном, но теперь этот шум был не про одиночество — он был про то, что где-то едет машина, в ней сидит Роман, и он знает, что дома — пусть даже это не его родной дом, а квартира Кати, где есть картонный уголок и пятнадцать миллилитров для Фёдора — его ждут не с планом спасения, а с чашкой чая и вопросом про фонари.

В четверг Роман пришёл не в среду, как обычно, а в четверг — день, вообще не имевший никакого особого статуса. Без повода. Просто так. В руках у него был не хлеб, не кофе и даже не лимон. А маленький бумажный фонарик — из тех, что продают на ярмарках, лёгкие, с тонкой цветной бумагой и деревянной петелькой, чтобы вешать.

«Он протянул его Лее, будто это был не предмет, а какое-то очень точное слово, которое он долго подбирал: — Тут у нас вечно темно в подъезде», — сказал он, чуть неловко поведя плечом, как будто оправдываясь за то, что принёс что-то такое... непрактичное.

— Но я подумал: если вдруг станет темно не только в подъезде, а вообще... пусть будет свет. Маленький. Зато свой. Лея взяла фонарик. Он был тёплый от его рук, пах улицей, дождём и чем-то ещё — тем самым запахом, который бывает у вещей, когда их выбирают не по каталогу, а глазами, в спешке, потому что «вот это, именно это».

— Спасибо, — сказала она, и в этом «спасибо» было больше, чем просто вежливость. В нём было: «Я поняла, что ты хотел сказать». Катя, стоявшая у раковины, хмыкнула — но

не насмешливо, а так, будто одобрила.

«— Ну наконец-то», — сказала она. — А то всё чашки, лимоны, Фёдор...

А тут хоть что-то светящееся. Повесь над столом. Чтобы, когда сидишь и думаешь, было видно, что ты не в полной темноте. И Лея повесила. Прямо над тем местом, где стоял её картонный уголок. И теперь, когда она садилась записывать обрывки фраз, над её бумагами висел этот маленький цветной свет — будто кто-то тихо шептал: «Ты не одна. Даже когда пишешь в тишине». А вечером, когда город уже окончательно стемнел и только редкие фонари боролись с темнотой, Роман позвонил. Не по делу, не чтобы отчитаться, а просто: — Я сейчас стою на светофоре. Тут один фонарь мигает, будто пытается что-то сказать. И я подумал: наверное, он просто хочет, чтобы его заметили. Как тот фонарик, что я тебе принёс. Лея улыбнулась, глядя на свой бумажный свет, который мягко окрашивал страницы её блокнота в тёплый оттенок.

— Знаешь, — сказала она, — мой сейчас не мигает. Он просто светит. Ровно. И мне от этого спокойнее. Спасибо, что ты его нашёл.

— Не за что, — ответил Роман, и в его голосе звучало то самое облегчение, которое приходит, когда ты сделал что-то простое, а оно оказалось нужным. — Просто... иногда хочется не решать всё сразу. Хочется просто повесить свет там, где темно. Они поговорили ещё немного — про мигающий

фонарь, про то, что на перекрёстке поставили новый киоск, про то, что Фёдор, кажется, выпустил новый лист. Ни про беды, ни про планы, ни про «что делать дальше». Просто про то, как выглядит город вечером и как в нём можно жить, если знать, что где-то есть маленький свет. Когда Лея положила трубку, Катя уже накрыла на стол — не торжественно, а по-будничному: две тарелки, чайник, лимон (на этот раз, по её словам, «почти честный, не предательский»).

«— Он хороший», — сказала Катя, будто отвечая на какой-то внутренний вопрос Леи.

— Не потому что всё делает правильно. А потому что умеет замечать, где темно, и приносить туда свет. Даже если это просто бумажная штука на петельке.

— Да, — тихо согласилась Лея.

— И ещё он умеет не требовать, чтобы за этот свет сразу благодарили. Он просто оставляет его и идёт дальше.

— Вот это и есть самое трудное, — кивнула Катя.

— Дать свет и не стоять над ним с секундомером: «Ну, стало светлее? Ты уже не грустишь?» Они сели пить чай. Фонарик над столом мягко отбрасывал цветные блики на чашки, на листья Фёдора, на картонный уголок, будто говорил: «Темнота никуда не делась. Но теперь тут есть ещё и это». И Лея вдруг поняла: она больше не ждёт, что кто-то придёт и заберёт её страх. Она учится жить рядом с ним — и рядом с теми, кто тихо вешает над её столом бумажный свет.

В пятницу вечером свет в бумажном фонарике вдруг по-

гас. Не с драматичным треском, не с искрой — просто тихо, будто выдохнул. Лея как раз сидела за столом, водила ручкой по странице, а уголок света, который всегда мягко ложился на буквы, вдруг исчез. Она подняла глаза — и на секунду ей показалось, что вместе со светом ушла и та самая уверенность: «тут есть маленький свет, и мне не страшно». Но тут же рядом возникла Катя — без суеты, но с тем самым видом, который означал: «проблема есть, мы её решим».

— Ага, — сказала она, щёлкнув выключателем настольной лампы, чтобы в комнате стало светлее.

— Значит, либо батарейка села, либо контакт отошёл. Либо этот фонарик просто решил устроить себе выходной. Лея улыбнулась — чуть нервно, но улыбка всё-таки получилась.

— А если он больше не загорится? — спросила она, сама удивляясь, как легко эти слова сорвались с языка.

— Если это был единственный свет? Катя посмотрела на неё внимательно, без спешки, будто взвешивала каждое слово.

— Тогда мы придумаем другой, — спокойно сказала она.

— Или зажжём свечу. Или включим ночник. Или просто посидим в полутьме и будем слушать, как Фёдор шуршит листьями. Свет — это не обязательно лампочка в бумажке. Свет — это когда ты не один. И в этот момент в дверь позвонили. Роман стоял на пороге с пакетом, из которого торчала картонная коробка, и с таким выражением лица, будто принёс не вещь, а решение какой-то очень важной задачи.

— Я тут подумал, — начал он, проходя внутрь и сразу радуясь, — что у хорошего света должно быть подкрепление. На случай, если первый сдастся. Он достал из пакета маленькую светодиодную гирлянду — не яркую, не праздничную, а такую, с тёплыми лампочками, которые будто специально созданы, чтобы висеть над кухонным столом и не мешать думать.

— Это не замена, — быстро добавил он, будто боялся, что его неправильно поймут.

— Просто... чтобы, если один свет гаснет, рядом был другой. И чтобы никто не думал, что наступила полная темнота. Лея взяла гирлянду, провела пальцами по мягким проводам, по маленьким лампочкам, и вдруг почувствовала, как внутри что-то отпускает.

— Спасибо, — тихо сказала она.

— Знаешь, он только что погас. Фонарик.

И я на секунду испугалась, что это что-то значит. Что теперь опять будет темно. Роман чуть наклонил голову, не отводя взгляда, и в этом жесте было столько понимания, что Лее даже не пришлось объяснять дальше.

— Понимаю, — сказал он.

— Когда гаснет то, что ты успел считать своим маленьким щитом, это пугает. Даже если это просто бумажка и лампочка. Потому что это был твой способ сказать: «со мной всё в порядке». Но знаешь, что? Щиты можно чинить. Или делать новые. Катя уже достала отвёртку, скотч и старую коробочку

от батареек — всё, что у неё было под рукой для «серьёзного ремонта».

— Так, — скомандовала она.

— Лея, держи фонарик ровно. Роман, не стой столбом — найди, где у этой штуки крышка. Я пока разберусь с контактами. Мы его не бросим. Даже если он капризничает. Они склонились над фонариком втроём: Катя уверенно щёлкала деталями, Роман осторожно придерживал корпус, а Лея держала фонарик так, будто от того, насколько ровно она его держит, зависело, вернётся ли свет.

— Ага! — вдруг воскликнула Катя.

— Вот оно. Контакт отошёл. Сейчас поправим. Она что-то поджала, постучала по корпусу (совсем легонько, как будто просила прощения у фонарика), и вдруг — крошечный тёплый свет снова вспыхнул. Не такой яркий, как раньше, чуть дрожащий, но настоящий.

— Работает, — выдохнула Лея.

— Он снова работает. Роман улыбнулся — не широко, а так, как улыбаются, когда видят, что сделали что-то по-настоящему нужное.

— Ну вот, — сказал он.

— Значит, темнота не победила. Просто ей дали по рукам. Катя хмыкнула, но в этом звуке было столько удовлетворения, что он звучал почти как похвала. — Теперь у нас есть план, — заявила она, аккуратно сматывая лишнюю часть гирлянды и вешая её рядом с фонариком.

— Если один свет гаснет — мы чиним. Если не чинится — включаем запасной. Никаких героических одиночных дежурств в темноте. Работаем командой. Они посидели немного, глядя, как два источника света — старый, чуть неровный свет фонарика и ровный ряд тёплых лампочек гирлянды — смешиваются и ложатся на стол, на страницы блокнота, на листья Фёдора. Фёдор, как всегда, ничего не сказал, но листья его чуть приподнялись, будто он тоже был доволен, что свет вернулся. Позже, когда Роман уже ушёл, а Катя мыла чашки, Лея подошла к окну и посмотрела на город. Там, за стеклом, было много фонарей — жёлтых, белых, мигающих, спокойных. И она вдруг поняла: темнота никуда не девается. Она приходит каждый вечер. Но теперь Лея знала: свет — это не отсутствие темноты. Свет — это то, что ты делаешь, когда темно. Ты чинишь фонарик. Ты вешаешь гирлянду. Ты зовёшь тех, кто поможет держать его ровно. Она вернулась к столу, села на своё место, посмотрела на мягкий свет над картонным уголком и тихо сказала — не кому-то, а просто в эту комнату, в этот вечер: — Сегодня темнота пришла. Но мы её встретили. Катя обернулась, улыбнулась краешком губ и поставила перед Леей чашку с чаем.

— Именно так, — сказала она.

— Не ждём, пока она уйдёт. Просто делаем так, чтобы ей тут было не слишком уютно.

Фонарик погас снова — ровно в тот момент, когда Лея поставила перед собой блокнот, будто специально выбрал се-

кунду, когда ей хотелось, чтобы хоть что-то шло по плану. На секунду внутри всё привычно сжалось: «Опять темно. Опять я не справляюсь». Но потом она вспомнила, как они чинили его в прошлый раз — втроём, с Катиной уверенностью и Романовым «мы просто подстрахуем». И вдруг поняла: на этот раз ей не обязательно ждать, пока кто-то придёт. Она встала, не торопясь, будто сама себе доказывала: «Я могу сделать первый шаг». Подошла к полке, где Катя держала свои маленькие сокровища для «серьёзных дел»: изоленту, коробочку с винтиками, старую батарейку, которую берегли «на всякий случай», и — вот оно — маленькую отвёртку с жёлтой ручкой. Лея взяла её, покрутила в пальцах, привыкая к весу, и улыбнулась чуть криво: «Ну, по крайней мере, я знаю, с какой стороны держать».

— Ты что задумала? — Катя выглянула из-за двери, вытирая руки полотенцем. В её голосе не было тревоги, только спокойное любопытство.

«— Хочу попробовать сама», — сказала Лея, и в этих словах не было бравады, просто констатация факта.

— Если не выйдет — позову тебя. Но... хочется сначала попробовать без «спасателей». Катя кивнула, будто именно этого и ждала.

— Тогда держи отвёртку крепче, а я буду рядом. Не для того, чтобы всё делать за тебя, а чтобы, если вдруг понадобится вторая пара рук, я была тут. Лея села за стол, положила фонарик перед собой, как будто он был не вещью, а себе-

седником, который просто устал. Аккуратно подцепила винтик на крышке батарейного отсека — тот поддался не сразу, будто проверял её решимость. Она чуть сильнее нажала, повернула — и крышка щёлкнула, открываясь. Внутри всё было знакомо: пружинка, контакты, батарейка, которая теперь лежала чуть косо, будто устала держаться ровно. Лея осторожно поправила её, прижала, проверила, как она ложится на контакты. Потом, не торопясь, закрутила винтик обратно — не до хруста, а ровно настолько, чтобы крышка сидела плотно, но не обижалась. И только после этого она нажала на кнопку. Сначала ничего. Секунда тишины, в которую Лея успела подумать: «А вдруг я всё испортила?» А потом — крошечный тёплый свет. Не такой яркий, как в первый день, чуть дрожащий, будто фонарик сначала не поверил, что его снова включили, а потом решил: «Ладно, я ещё поработаю». Лея выдохнула. Не громко, не театрально, а так, как выдыхают, когда снимают с плеч что-то тяжёлое, о котором даже не замечали, что оно там висит.

— Получилось, — тихо сказала она, скорее себе, чем Кате.

— Получилось, — спокойно подтвердила Катя, не хлопая в ладоши, не бросаясь обнимать, а просто стоя рядом и давая этому маленькому успеху занять своё место. — Знаешь, иногда самое трудное — не починить, а решиться взять отвёртку. Ты это сделала. В этот момент в дверь позвонили. Роман стоял на пороге с пакетом, из которого торчал край картон-

ной коробки — и с таким видом, будто пришёл не просто в гости, а на дежурство: «Если вдруг опять темно — я тут».

— Я как раз хотел предложить... — начал он, но замер, увидев, что над столом уже горит знакомый цветной свет.

— А, ты... ты сама.

— Сама, — кивнула Лея, и в этом кивке было столько спокойствия, что Роман будто чуть расслабился, будто ему тоже стало легче от того, что не надо прямо сейчас быть тем, кто всё исправляет.

— Знаешь, — сказал он, ставя пакет на полку и проходя внутрь, — раньше я думал, что поддержка — это когда ты приходишь и делаешь всё вместо человека. Чтобы ему не пришлось даже думать, где взять отвёртку. А теперь понимаю: настоящая поддержка — это когда ты стоишь рядом и знаешь: человек может сам. А если вдруг не сможет — ты просто поможешь.

— Или дашь вторую отвёртку, — добавила Катя, усмехаясь.

— Или вторую, — согласился Роман, улыбаясь.

Они сели за стол. Лея подвинула к себе блокнот, но пока не стала писать — ей хотелось просто посидеть и почувствовать эту тишину, в которой темнота больше не была врагом. Фонарик светил неровно, по-домашнему, будто говорил: «Я не идеальный, но я тут». Рядом мягко горела гирлянда — спокойный, ровный свет, который Роман принёс в прошлый раз. Два источника, два ритма: один — живой, с характером,

другой — надёжный, без суеты. Фёдор шевельнул листьями, будто одобрял: день шёл, свет был, люди были рядом — а большего и не требовалось. Позже, когда Роман ушёл, а Катя ушла разбирать полки в коридоре, Лея осталась за столом одна — но не в одиночестве, а в том самом уютном пространстве, где можно просто дышать. Она посмотрела на фонарик, на гирлянду, на свой блокнот с чистыми страницами и тихо сказала вслух, будто закрепляя это новое чувство: — Если погаснет — я знаю, что делать. А если не справлюсь — рядом есть те, кто поможет. И этого достаточно.

Фонарик сдался тихо, без драмы — просто в один вечер перестал загораться, сколько Лея ни нажимала на кнопку. Она подержала его в руках, будто надеялась, что тепло её ладоней как-то поможет, потом вздохнула и поставила на полку рядом с картонным уголком — не как сломанную вещь, а как что-то, что честно отработало своё.

«— Ну вот», — сказала она, скорее себе, чем Кате.

— Он больше не светит. Катя посмотрела, кивнула — без спешки, без попытки тут же всё исправить.

— Значит, пришло время для чего-то нового, — спокойно сказала она.

— Не потому что старый был плохой. Просто он устал. В ту же среду Роман пришёл с пакетом, из которого торчал край стеклянной банки, моток бечёвки и ещё какие-то мелочи, которые Лея не сразу разглядела.

— Я подумал, — начал он, вытаскивая всё это на стол, —

что свет не обязан быть покупным. И не обязан быть идеальным. Он может быть... самодельным. Если вы, конечно, не против немного повозиться.

Лея улыбнулась — впервые без этого внутреннего напряжения, когда кажется, что если что-то ломается, то рушится и весь твой маленький порядок.

«— Я не против», — сказала она.

— Честно. Даже если получится криво. И они стали делать свет. Катя аккуратно выстилала дно банки кусочками фольги — «чтобы свет отражался и не терялся в темноте». Роман осторожно укладывал внутрь гирлянду, стараясь, чтобы лампочки не лежали друг на друге, а расходились, как маленькие звёзды. Лея держала банку, пока они всё это крепили, а потом, когда дело дошло до крышки, сама нашла в кухонном ящике старую деревянную пуговицу, которую Катя давно хотела выкинуть, и предложила: — А если её сверху приделать? Чтобы было за что вешать. И чтобы выглядело... как будто мы её специально так задумали. Катя хмыкнула, но в этом звуке было одобрение.

«— Вот именно», — сказала она.

— Пусть будет не «так вышло», а «мы так решили». Они прикрутили пуговицу, закрепили гирлянду, закрыли крышку — и когда Лея наконец нажала на выключатель, свет внутри банки вспыхнул не ровным потоком, а тёплыми пятнами, которые плясали по стенам, по листьям Фёдора, по страницам блокнота. Он был не такой, как у бумажного фонарика:

не тихий и скромный, а живой, неровный, будто свет хотел рассказать какую-то историю и никак не мог подобрать слова.

— Получилось, — тихо сказала Лея, глядя, как блики ложатся на её блокнот. — И он совсем другой. Но... тоже мой. Роман улыбнулся — не широко, а так, будто ему важно было увидеть именно эту её интонацию: не «ура, починили», а «теперь у меня есть новый свет, и я к нему привыкаю».

— Знаешь, — сказал он, — иногда самое правильное — это не пытаться вернуть всё как было. А сделать что-то новое из того, что есть. Из банки, из гирлянды, из старой пуговицы. И из того, что мы друг у друга есть.

Катя поставила на стол три чашки — не торжественно, а буднично, как делала всегда, — и сказала: — Пусть этот свет будет нашим правилом. Если что-то гаснет — не сидим в темноте. Собираем новый свет. Из чего угодно. Хоть из банки. Хоть из чашки чая. Хоть из истории про фургон у аптеки. Главное — чтобы было из чего. Фёдор чуть шевельнул листьями, будто подтверждал: да, день идёт, свет есть, и этого достаточно. Вечером, когда Роман ушёл, а Катя ушла разбирать стопку журналов в коридоре, Лея осталась за столом. Она смотрела на этот неровный, пляшущий свет, слушала, как город шумит за окном, и чувствовала, как внутри что-то встаёт на место. Бумажный фонарик стоял на полке — спокойный, будто довольный, что отслужил своё. А над столом теперь висела банка с огоньками — новая, немного неуклю-

жая, но своя. Она взяла ручку, открыла блокнот и написала на первой странице не план, не список дел, а одну простую фразу — ту самую, которую сегодня услышала от Кати: «Если что-то гаснет — собираем новый свет». И под этой фразой поставила маленькую точку — как будто закрепила её, как пуговицу на крышке.

Лея собирала лампу для Романа не торопясь, будто хотела вложить в неё не только руки, но и тот самый тихий смысл, который они теперь все трое понимали без слов. Она взяла небольшую банку — чуть меньше той, что висела у неё над столом, ровно такую, чтобы поместиться в бардачок машины. Катя молча подсунула ей кусочек серебристой фольги — «чтобы свет не терялся», а потом, подумав, добавила крошечную деталь: старую медную пуговицу, не деревянную, как в прошлый раз, а с патиной, будто она уже тысячу раз держала на себе чей-то свет.

— Пусть будет чуть наряднее, — сказала Катя, чуть приподняв бровь.

— Всё-таки это подарок. Пусть он видит: ты старалась. Лея улыбнулась и аккуратно приладила пуговицу к крышке — не как заплатку, а как маленькую гордость: «Вот тут я придумала». Гирлянду она выбирала особенно тщательно: не ту, что мигает, а ту, что горит ровно, тёплым, спокойным светом, похожим на свет фонаря у подъезда, когда дождь уже кончился и город будто выдыхает. Когда лампа была готова, Лея подержала её в руках, прислушиваясь к себе. В груди

было не волнение, а что-то похожее на уверенность: не «надеюсь, ему понравится», а «я знаю, зачем это нужно». Роман приехал в субботу — не по делу, не потому что кому-то было плохо, а просто чтобы посидеть, попить чаю, послушать, как Фёдор шелестит листьями, и рассказать про новый маршрут, где на одном перекрёстке поставили странный столб, будто он там случайно оказался и сам удивляется. Лея протянула ему свёрток — не в красивой бумаге, а в той самой коричневой, в которую Катя заворачивала посылки, когда не хотела тратить лишнее.

«— Это для бардачка», — сказала она спокойно, будто это самое обычное дело — дарить кому-то свет, чтобы он ехал и знал, что темнота не навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.